

1957 год

«Судьба человека» (Отступление седьмое)

1 января 1957 года целый разворот в «Правде» отдали под рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека». «Солдатский» рассказ о войне, о плене, о крови и мучениях простых людей. До этого о такой войне не писали не только в «Правде», но вообще не писали. Войну с подачи Сталина изображали лубочно: авторы, хуже или лучше, в зависимости от таланта, выписывали наших богатырей и глуповатых фрицев. То, что война – это не только подвиг, но и тяжелый, грязный, даже отвратительный солдатский труд, что не только мы били фрицев, но и они колотили нас, писать не рекомендовалось, в том числе и Шолохову. Вот он и послал свой рассказ отцу с просьбой прочитать его и ответить, отчего ему, Шолохову, не позволяют писать так, как ему пишется?

На отца рассказ подействовал оглушительно, и не только своим языком и манерой написания. Отец хорошо знал и любил Шолохова. Он особенно ценил его «народность», наверное, это единственно правильное определение. Читая и перечитывая «Тихий Дон», отец, сам человек от земли, восхищался умением Шолохова проникнуть в нутро казацкого быта. Трагедию Григория Мелехова отец понимал лучше многих. В Гражданскую войну он воевал против таких Мелеховых в тех же местах. Они воевали по разные стороны фронта, но жили одной солдатской жизнью, воевали за лучшую долю, даже, если понимали они эту долю по-разному. Отец в этой войне вышел победителем, он из числа тех, кто на Таманском полуострове громил армии генерала Деникина, у которого воевал Мелехов, дошел до Новороссийска и Туапсе. Толпы казаков, покинутых своими командирами, не попавших на уходящие в Стамбул пароходы, для отца – не выдуманные литературные персонажи, а реальные люди, которых он видел собственными глазами.

В коллективизации отцу участвовать не довелось. Он тогда учился в Промышленной академии, потом работал в Московском райкоме партии. В «Поднятой целине» главный герой для него – дед Щукарь, а не Семен Давыдов с Макаром Нагульновым. Настоящий, списанный с жизни дед с вложенными в его уста писателем Шолоховым знакомыми с детства словечками, с его крестьянской ухваткой и хитростью.

И вот теперь – Андрей Соколов, его судьба, судьба человека, прошедшего через все ужасы страшной войны. Отец не любил, вернее не мог читать книги о войне. Когда я однажды восхитился каким-то военным рассказом, кажется, Симонова, он мне выговорил: «Правды о войне не пишут и никогда не напишут. Война страшнее, грязнее и ужаснее всего того, что может вообразить писатель, даже такой, как Симонов, не раз посещавший фронт. Но только “посещавший”».

Отец не смог избавиться от наваждений войны до самой своей смерти. Он не смотрел кинофильмы о войне, даже комедии. Они тут же воскрешали в его памяти настоящую войну. И отец не мог заснуть, ворочался всю ночь.

Судьба рассказа Шолохова складывалась непросто. Он многим нравился, но напечатать его не решался никто. Уж больно тема щекотливая: бывших военнопленных уже перестали считать преступниками, но относились к ним настороженно. Шолохов без особой надежды послал рассказ Хрущеву. Прочитав «Судьбу человека», отец попросил соединить его с Шолоховым. Разыскали его не сразу. Связь со станицей Вешенской, где жил писатель, оставляла желать лучшего, а когда дозвонились, то оказалось, что к телефону Михаил Александрович подойти не может. На том конце провода ответили, что он на рыбалке, другими

словами – запил. Наконец все утряслось, Шолохов дозвонился до отца сам. Оказалось, что он не на «рыбалке» и даже не в Вешенской, а в Москве, в гостинице «Москва». Отец восхищался рассказом. Шолохов, когда пришла его очередь говорить, попросил о встрече, если можно неофициальной, то есть напросился в гости. Отец охотно согласился, пригласил писателя с женой Марией Петровной в ближайшее воскресенье к себе на дачу.

Шолохов показался мне не по-казацки щупленьким, маленьким и на удивление застенчивым. На расспросы отца поначалу отвечала Мария Петровна, а Михаил Александрович только поддакивал. Постепенно неловкость прошла, он разговорился. Все вместе отправились гулять по обрамленным сугробами и оттого узковатым дорожкам парка. Отец с Шолоховым шли впереди, за ними Мария Петровна и Нина Петровна, следом попарно растянулись мы, дети. Нагулявшись и намерзшись, пошли в дом обедать, затем расселись кружком в гостиной, и Михаил Александрович, «с выражением», читал написанные еще начерно отрывки из второй части «Поднятой целины». Отец слушал внимательно и с удовольствием. После чтения Шолохов перешел к главному, к «Судьбе человека», начал жаловаться на Союз писателей, чинуш-издателей, но отец не дал ему договорить и тут же предложил опубликовать рассказ в «Правде». Ее читатели не только наслаждаются настоящей прозой, но и со страниц самой главной газеты страны прозвучат слова уважения к узникам лагерей. Как бы отец не относился к литературному произведению, он в первую очередь оценивал, что автор говорит читателю, а уж затем, как он пишет.

Шолохов рассыпался в благодарностях, о подобной чести он и не мечтал. На самом деле публикация в «Правде» так же, как и приглашение в гости к отцу, служили ему индульгенцией на будущее, облегчали преодоление цензурных и иных рогаток.

Отец тут же, при Шолохове, позвонил Шепилову и попросил посодействовать в публикации рассказа Шолохова. Идеолог-чиновник сталинской школы, Шепилов умел и любил угождать: вот он и отвел под «Судьбу человека» праздничный номер газеты.

Шолохов отца расположил к себе сочувствием и пониманием крестьянской сущности, сопереживанием их бедам и заботам. Одновременно ему льстило знакомство с литературной знаменитостью. На прощание отец предложил Шолохову звонить ему без стеснений, как только возникнет нужда, пригласил его в будущем, когда он напишет что-нибудь новенькое, в гости.

Шолохов зазывал отца к себе в Вешенскую, соблазнял рыбалкой и охотой в Донских плавнях. Отец обещал приехать, вот только когда – не знает, все дни расписаны по минутам.

– Ловлю вас на слове, – настаивал Михаил Александрович, – к концу лета, к открытию охотничьего сезона, напомним.

На том они и расстались.

Естественно, посещение Шолоховым отца не осталось незамеченным. Михаил Александрович рассказывал всем желавшим его слушать, как он гулял с Хрущевым, чем угощали за обедом и главное, как внимательно он слушал «Поднятую целину». Друзья поддакивали, восхищались, завидовали.

Весной Шолохов уже сам позвонил отцу, теперь он ничего не просил, сообщил, что главы «Поднятой целины», прочитанные на даче в Огарево, он окончательно доработал, вскоре они появятся в «Правде». 13 и 14 апреля главная партийная газета отвела два подвала под описание новых злоключений деда Щукаря и его приятелей (обычно там размещались наиболее важные политические и хозяйственные статьи).

С того времени и повелась дружба отца с Шолоховым. Регулярно, практически ежегодно, Михаил Александрович с Марией Петровной навещали нас на дачу, сначала в Огарево, а затем в Горки-9. Михаил Александрович читал новые куски, сначала из «Поднятой целины», а затем из книги о войне «Они сражались за Родину». Вот только в Вешенскую отец так и не выбрался ни в 1957 году, ни в следующем, 1958-м. Он собирался, намечал даты,

но каждый раз вклинивались неотложные дела. Шолохов напоминал отцу о не сдержанном обещании, но без назойливости, отец извинялся, и охота на Дону откладывалась до лучших времен.

К Шолохову отец выбрался только в конце августа 1959 года. В то лето он готовился на пицундской даче к визиту в США, читал справки, беседовал с американцами, надиктовывал свое выступление в ООН. В конце «отпуска» отец позвонил Шолохову, осведомился, не отменил ли тот свое приглашение? Шолохов обрадовался, подтвердил, что приглашение в силе и на этот раз, и на все последующие. Отец предупредил, что времени у него в обрез, охоту с рыбалкой придется отложить, у Шолоховых он задержится только на день-два. В Москву отец возвращался поездом. По пути разговаривал с секретарями обкомов, приглашал их к себе в вагон на остановке при переезде из одной области в другую и расставался, покидая ее.

К приезду отца готовились всей станицей, варили, пекли, жарили, парили донские деликатесы. Нагрывавшая накануне охрана разочаровала и Шолохова, и односельчан: Хрущев на диете, кормить его будут они сами и из своих, проверенных в специальной лаборатории, продуктов.

Отца встретили хлебом-солью, казацкими песнями, а когда прошли в дом, Мария Петровна пожаловалась: они так старались, не подозревали, что гость на диете, да еще такой строгой.

Отец действительно соблюдал предписания врачей, но диетическую пищу не любил, не еда это – одни калории.

– А судак у вас есть? – спросил он Марию Петровну в ответ на ее сетования и хитро улыбнулся.

– А как же! И судак, и лещ, и сом, – начала перечислять хозяйка.

– Судак свежий или мороженный? – перебил ей отец.

– Не свежий – свежайший, – обиделась Мария Петровна, – сегодня утром еще в Дону плавал.

– Они меня на диете мороженным кормят, не судак, а кусок резины, – пожаловался отец и, оглядевшись, как бы по секрету закончил, – я в гостях, а в гости ходить со своей диетой неприлично.

Пировали на славу, только от водки отец отказался, зато нахваливал донские вина, особенно любимые им рислинги. Обычно отец, не желая стеснять хозяев, ночевать уезжал в свой вагон. Но Шолохов так настаивал, а Мария Петровна так искренне расстраивалась, что на сей раз, изменив обычаю, он остался у Шолоховых до утра.

На следующий день отец пригласил Шолохова сопровождать его в начинавшейся через пару недель поездке по Соединенным Штатам Америки. Приглашение пришло ему на ум не экспромтом. Обсуждая с Громыко и другими людьми, отвечавшими за подготовку поездки, состав делегации, он упомянул Шолохова еще месяц назад. Ему возразили в один голос: Шолохов для столь ответственного визита категорически не подходит. Михаила Александровича последние годы за границу старались не выпускать, но не по политическим мотивам. Шолохов запойно пил. А запив, творил такое... Сладить с ним не мог никто. Приходилось ждать неделю, а то и больше, пока ситуация не разрешится сама собой. В ЦК опасались – в случае запоя где-то в капиталистической стране не только стыда не оберешься, но он вообще может пропасть без следа. Отец, естественно, об этом «грехе» Шолохова был наслышан. Он и в Вешенскую заехал, чтобы своими глазами посмотреть, насколько Шолохов контролирует себя за столом. Увиденным отец остался доволен, Шолохов пил не перепивая, говорил внятно и связно, вел себя как подобает вести нормальному мужику. В Америке он не запьет. Опасения чиновников продиктованы желанием перестраховаться.

По возвращении в Москву отец поручился за Шолохова перед Президиумом ЦК, шутливо заверил, что глаз с него не спустит. В США Шолохов не пил, точнее не запил. После Америки отношения отца с Шолоховым, я бы не называл их дружбой, еще более укрепились.

Через пару лет Шолохов снова засобирился за границу. Запой у него участились, и «инстанции» отказались выпустить его в Скандинавию. Он обратился к отцу за поддержкой, и тот за него «поручился» вторично, как выяснилось позже, напрасно. В Швеции Михаил Александрович не сдержал данного отцу слова, сорвался, половину срока провалялся в гостиничном номере. Посольство на Шолохова пожаловалось в Москву, и отдел ЦК предложил принять к писателю меры. Отец их не поддержал, не выговор же ему объявлять.

По возвращении Шолохов снова появился у нас на даче, несколько пришибленный, с виноватым выражением лица. Он привез отцу в подарок купленные в Швеции на развале резиновые зеленые сапоги. По его словам, охотничьи – в них хорошо по болоту бродить. Вот только сапоги отцу негодились. Шолохов взял самый ходовой 42-й размер, не подозревая, что у отца нога почти детская, он носил обувь 39-го размера. Сапоги достались мне. Хорошие сапоги. Каждую весну и осень я месил ими грязь сначала у отца, а затем у себя на даче. Порвались сапоги только в конце 1980-х годов, когда ни отца, ни Шолохова давно уже не было на свете.

Дружба отца с Шолоховым вызвала в Москве массу толков. Собратья-писатели объясняли ее не талантом своего собрата, а придумали, что они с отцом – свояки. У отца жена – Нина Петровна, у Шолохова – Мария Петровна. Тут Петровна, там Петровна. Какие еще требуются доказательства? Шолохов слухи, несмотря на всю их абсурдность, не опровергал.

В конце июня 1964 года отец побывал с официальным визитом в Швеции. Там на одном из многочисленных приемов к отцу подошла дама (ее имени он не запомнил) и сказав, что она из Нобелевского комитета,³⁸ завела разговор о литературе. Затем, как бы невзначай, но отнюдь неслучайно, заметила, что Нобелевский комитет, Шведская академия раздумывает о Нобелевской премии для одного из русских писателей. Почти пятьдесят лет, со времени революции, им премии не присуждали. Она дипломатично умолчала о Пастернаке, да и об Иване Бунине, эмигрантском русском нобелевском лауреате 1933 года, тоже не вспомнила. Теперь академики настроились исправить несправедливость. У них уже есть два кандидата, она назвала фамилии. Новая знакомая отца поинтересовалась, кого из ныне живущих писателей своей страны он считает достойным Нобелевской премии? Что думает об их кандидатах? Дома отец рассказывал, что он заколебался, сначала вообще не хотел называть имен, кто знает, как истолкуют его слова? Потом решил не отмалчиваться, сказал, что по его читательскому мнению, предоставленные к рассмотрению писатели – люди достойные, талантливые (он никогда не раскрывал их имен), но далеко не самые лучшие. И тут отец произнес фамилию Шолохова, но с оговоркой, что сам он в литературе дилетант, пусть шведские академики решают сами. Женщина поблагодарила отца и заверила, что передаст его мнение Нобелевскому комитету.

После октября 1964 года Шолохов с горизонта отца исчез, в гости больше не напрашивался, не звонил. Отец переживал, но любить его как писателя не перестал.

Не прислал Шолохов и соболезнования маме по случаю смерти отца.

В 1965 году, спустя год после того разговора Шведская академия присудила Шолохову Нобелевскую премию. Такая вот человеческая судьба.

³⁸ В своих воспоминаниях отец называет ее министром культуры Швеции.